

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

КЛИНОК ТРЕХ ЦАРСТВ

Москва

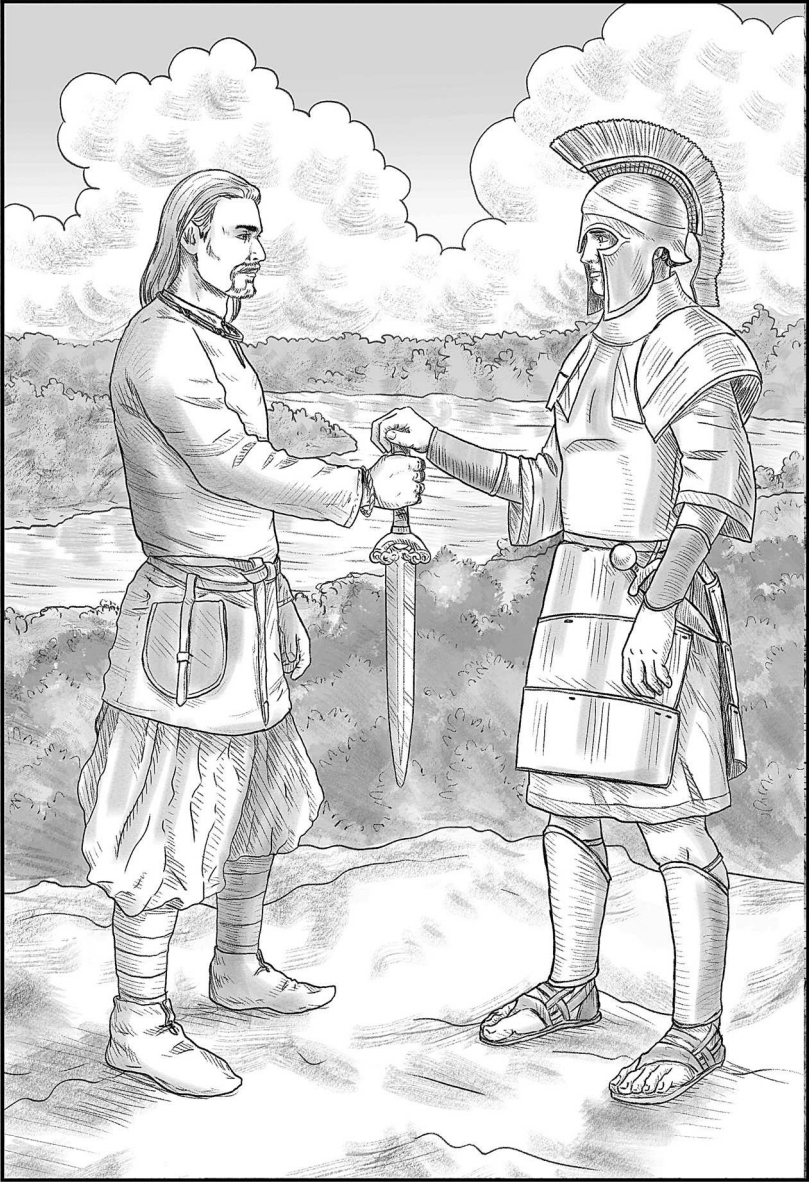

◆ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ: ◆

- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего Олега
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ведьмины камни
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари
•
МАЛУША. За краем Окольного
•
МАЛУША. Пламя северных вод
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Клинок трех царств

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

КЛИНОК ТРЕХ ЦАРСТВ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Нисмианы*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга. Клинок трех царств / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-217655-5

Древняя Русь, 962 год. Два киевских боярина решают заключить семейно-политический союз между своими детьми.

Вскоре после обручения молодых жениху подбрасывают на крыльцо две высушенные жабы: они надеты на щепку и завернуты в кусок пергамента, исписанный греческими буквами. Умеющих писать по-гречески в городе всего трое: священник-грек, диакон-грек и любимый племянник княгини Эльги, Торлейв. Никого из них нельзя представить творящим черную магию при помощи сушеных жаб. А поскольку жертвы — люди очень видные, то поднимается переполох. Мистина Свенельдич обещает найти этого жаболова, самого высушить и палочкой проткнуть...

И, казалось бы, какая может быть связь между двумя сушеными жабами в Киеве — и недавним возведением германского короля Оттона в императорское достоинство в Риме?

Продолжение романа «Княгиня Ольга. Ведьмины камни».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-217655-5 © Дворецкая Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава 1

*Земля Русская, Киев
12-е лето Святославово¹*

Шагнув в ворота, Правена охнула и попятилась, отчего наткнулась спиной на Витляну.

— Святые деды!

И было чего испугаться — посреди двора стоял Один. Выглядел он как рослый, плечистый мужик лет сорока или чуть больше, с густо загорелым, обветренным лицом, с побелевшими рубцами многолетней давности, а правый глаз его закрывала старая повязка из потемневшей кожи. Скрестив руки на обнаженной груди, так что мышцы на плечах вздулись буграми, он пристально смотрел на девушек в воротах, и его взгляд ощущался как острие копья, нацеленное прямо на тебя.

— О! — Витляна выглянула из-за ее плеча. — Не бойся. Он здесь живет. Он нас не тронет. Ну, наверное.

— Кто это? — Изумленная Правена медлила, не решаясь войти во двор.

— Это какой-то человек... он когда-то очень давно был в дружине Хельги Красного, ходил с ним во все его походы по южным морям. А недавно вернулся, нынешней весной. Пестрянка его снова приняла в дом.

— Девы красные, заходить будете? — осведомился челядин, отворивший им дверцу в воротной створке.

---

¹ 962 год. В конце текста имеется «Пояснительный словарь» (исторические понятия) и «Список действующих лиц по родственным связям». (Здесь и далее — примечания автора.)

По всей повадке его читалось: раз уж пришли, занятых людей от дела оторвали...

— Заходи, ну! — Витляна слегка подтолкнула Правену.

— Идхуль банаат! — обратился к ним одноглазый, но тут же добавил на северном языке: — Заходите, девушки.

Хриплый голос его звучал грубо, но чувствовалось, что он пытается сделать его любезным.

— Хейльду!¹ Я не тролль из Хель и не друг из кургана. Мое имя — Агнер, а прозвище мое вы угадаете сами. Оно начертано у меня на лице острым мечом сарацина.

Пока он говорил, две девушки, опомнившись, прошли в ворота и остановились перед Агнером, во все глаза его разглядывая — особенно Правена, видевшая его в первый раз. Витляна, как племянница хозяйки, уже бывала здесь, и он попадался ей раз-другой. Она не была любопытной, но такой человек кого угодно заставит обернуться.

— Агнер... Одноглазый? — предположила Правена.

— Сахих! Истинно так! — Агнер ухмыльнулся в бороду — русую, с проблесками седины и двумя-тремя косичками, украшенными серебряными бусинами. Длинные волосы тоже были заплетены в несколько кос, указывая на его жизненный путь: воинский, в отрыве от какой-либо другой семьи, кроме дружины вождя. — Кого вы здесь ищете — сайеду² Фастрид?

— Нет, Агнер, зачем им такая старуха? — раздался женский голос со стороны хозяйской избы. — Они пришли за кое-кем помоложе. Сегодня Ярила Зеленый.

— А кто это? — Агнер обернулся к дому. — Разве здесь та-кой живет?

— Это не человек, это праздник в честь одного бога вроде Бальдра. Сегодня наступает лето³, и все девушки идут гулять в роцу. Ты еще помнишь, что такое начало лета? Или забыл в тех краях, где кроме лета и нету ничего?

¹ Привет! (др.-сканд.).

² Госпожу (афабск.).

³ При древнем делении года на две половины, теплую и холодную, лето у славян наступало (скорее всего) в полнолуние месяца, следующего за весенним равноденствием, то есть примерно в конце апреля. В позднейшем календаре сюда приходился весенний Егорьев день.

Под навесом стояла сама хозяйка дома — Пестрянка, как ее звали с рождения, и Фастрид, как ее прозвал варяг Хельги Красный, ее будущий муж, еще в то время, когда почти не знал славянского языка. Хельги уже почти двадцать лет не было в живых, но Пестрянка продолжала носить варяжское имя в память мужа. Ради той же памяти она и на Агнера смотрела почти с нежностью. Он был из того десятка датчан, которых привел с собой Хельги Красный, когда впервые прибыл из Хедебю в Хольмгард. А было это давным-давно — в первый год, как Ингвар и Эльга начали править в Киеве. Вместе с Хельги Агнер ушел на Хазарское море; через год Фастрид получила весть о смерти мужа, но среди вернувшихся остатков его дружины Агнера не было. Появился он лишь этой весной, вынырнул из гущи печенежского торгового каравана, прибывшего на левый берег Днепра у витичевского брода, да еще привел трех верблюдов, груженных разным дорогим товаром. Фастрид не сразу узнала Агнера — когда они виделись в последний раз, он имел два целых глаза, а к тому же двадцать с лишним лет под раскаленным южным небом, среди превратностей торговых и военных походов между Хорезмом, Багдадом, Царьградом, Итилем и даже Страной Син¹, изменили его сильнее, чем если бы он просидел эти двадцать лет в Киеве.

Немало же эти три верблюда, ведомые тремя смуглыми рабами, поразили жителей киевской улицы на Олеговой горе. Фастрид не верила глазам — что это к ней. А узнав наконец Агнера, разрыдалась. Давно она не плакала, но знакомые черты, когда она различила их под темным загаром, морщинами и шрамами, слишком ясно вызвали в памяти далекую молодость и ее недолгое — всего-то четыре года — счастье замужества.

— Если это то начало лета, которое я помню, — ответил Агнер, — то девушки гуляют не одни, а с парнями. Если так, то они пришли куда надо, уллахи!²

— Да уж — лучше моего парня во всем Киеве не сыскать! — с явной гордостью улыбнулась Фастрид.

---

¹ Син — арабское название Китая.

² Клянусь богом! (арабск.)

— Мне нужно отгулять с девушками за все двадцать лет! — сказал Агнер, как будто хозяйка могла иметь в виду его.

— И тебе нужно для этого двадцать девушек? — невольно засмеялась Правена.

— Для начала хватит двух, машаллах. — Агнер ответил выразительным взглядом единственного глаза, дескать, вот этих двух.

— Идите сюда, девушки! — позвала Фастрид. — Не бойтесь, это страшилище вас не тронет. Влатта в девичьей. Я уж послала Жалёну ее разбудить.

Поклонившись хозяйке, Витляна и Правена сторонкой обошли Агнера и направились к девичьей избе, где жили служанки Фастрид; своих дочерей или других родных по крови женщин у нее в доме не было. Правена поглядывала на Агнера вытаращенными глазами, как на страшного лохматого сторожевого пса, который вроде бы сидит спокойно, но как знать, что ему покажется? Но потом сама усмехнулась своему страху: хоть он и страшный, а вроде не прочь посмеяться, едва ли такой человек может быть опасен. Трусихой она не была, да и будучи дочерью старого княжьего воеводы, повидала людей, отмеченных превратностями воинской жизни. Просто растерялась от неожиданности.

Влатта, как водится, сидела на лавке в одной сорочке, потягивалась и зевала. Очень она напоминала едва проснувшуюся зарю: на пухлых щеках алел румянец, пышные золотистые волосы стояли вокруг головы облаком перепутанных лучей, а томные глаза цвета утреннего неба явно зывали о живительном дожде из умывального кувшина.

— Будьте живы! — При виде подруг она встала и лениво поклонилась. — Неужто пора уже? Рассвело едва.

— Глаза протри, — снисходительно посоветовала Витляна, — вот тебе и рассветет.

— Нам еще за княжной заходить, — напомнила Правена.

— Сейчас соберусь. — Влатта невозмутимо потянулась. — Поспеем. Княжна, поди, сама до полудня собираться будет.

— Вот и нет! — Правена засмеялась. — Она же в первый раз к березкам пойдет! Небось с белой зари сидит готовая. У меня так было.

— Негоже заставлять ее ждать! — строго напомнила Витляна. — Княгиня огневается.

Влатта лишь двинула насмешливо ртом: и что она нам сделает? Княгиня Эльга не станет воевать с бестолковыми девками, тем более на Зеленого Ярилу — девичий велик-день, завершение пятидневных праздников начала лета. Зеленая Пятница¹ отмечает конец зимы и приход лета. Вышла Заря-Зареница, взяла у брата-Солнца золотые ключи, отомкнула землю, всех и все призвала к новой жизни: людей живых и мертвых, птиц небесных, зверей рысучих, березы белые, зелья могучие. Первые два дня посвящались угощению дедов, разбуженных приходом тепла: кияне ходили на жальник и там пировали на могилах, оставляя раскрашенные в разные цвета яйца. Это называлось Весенние Деды и Весенние Бабы. Потом был день Велеса-Пастуха: скотину впервые выгнали на новую траву, а пастухи, покинувшие дом на все лето, с заговором обходили стадо, чтобы затворить к нему путь лесным хищникам. Потом главы семей с самим князем ходили смотреть ростки озимой ржи, сперва на «божье поле» близ Святой горы, а потом всякий на своем наделе. Там тоже пировали, лили в борозды пиво, закапывали в углу поля кости жертвенного барашка.

И вот сегодня пришел последний день Зеленой Пятницы, посвященный тем, кому умножать род человеческий: будущим невестам и женихам. Сегодня созревшие девочки станут девушками, а неженатая молодежь присмотрит себе пару для летних игрищ. Быть может — и для осенней свадьбы.

— Ты яйцо-то приговорила? — спросила Правена.

— А то как же! — Влатта оживилась. — Всех наших кур обобрала, по двору из-за них не пройти. Зато всем хватит!

Сняв рушник с лукошка, с гордостью показала десятка два яиц, выкрашенных луковой шелухой и березовым листом. Витляна с Правеной переглянулись и дружно прыснули со смеху. Каждое яйцо означало поцелуй, которым сопровожда-

---

¹ Здесь Зеленой Пятницей называется пятидневный праздник конца зимы и начала лета. Пятница — по предположениям ученых, так называлась исконная пятидневная неделя у славян до появления церковного календаря с семидневной неделей, в которой это слово стало обозначать пятый день.

ется подарок; Влатта поистине позаботилась, чтобы на всех хватило!

«Ну а что же делать, если этого добра у меня много! — в прошлые годы отвечала она на эти насмешки. — Курам скормить? Или на старость засолить?»

Сами Витляна и Правена приготовили только по одному, зато позаботились поверх окрашенной скорлупки расписать узорами, будто игрушку. Витляна точно знала, кому должна отдать свое; Правена знала, кому *не* хочет его дарить. А кому хочет — лежала на сердце некая надежда...

— Пойдем пока... — Правена потянула Витляну за руку. — Нужно же еще... Помнишь, я тебе говорила, мне княгиня велела? Ну... чтобы привести...

— А! — Витляна вспомнила. — Пестряныч!

— Тови? — Влатта, рывшаяся в своих пожитках, обернулась. — Он в избе у госпожи. Привести вам его? Да где же этот гребень, даймон его взял? Госпожа бранится, если я на двор нечесаная выхожу.

— Пойдем сами, — с мольбой прошептала Правена. — Она же до полудня будет возиться.

— Ну, пойдем, попросим Фастрид. Мы тебя ждем, слышишь? — строго напомнила Витляна Влатте.

— Я как лист перед травой!

Правена фыркнула, не очень-то веря. Безалаберную Влатту они с Витляной знали очень хорошо: были ровесницами и в один год стали взрослыми девушками. Четыре лета назад, в такой же ясный день, когда наряженная в новое зеленое платье земля-мать ткала себе поясок из прохладных прядей ветра и золотистых теплых лучей, расшивала его щebetом малиновки и дрозда, они все три одна за другой залезли на березу, а потом спрыгнули вниз, и Сияна с Огняной, старшие сестры Правены, тут же надели на каждую из них нарядную девичью плахту. Держана, старшая сестра Витляны, опоясала их новым поясом, и они стали такими же, как их сестры, готовыми невестами. Когда завивают кольцами ветви на березах, девам-одногодкам полагается поцеловаться через венок, и они становятся как сестры. Посестримство сохраняется на всю жизнь, и даже когда у бывших девок уже появятся дети и внуки, они, сойдясь

где-нибудь на «бабьих кашах», будут вспоминать этот весенний день.

Конечно, среди населения киевских гор, предградий и разных выселок имелись и другие девушки, в тот же день надевшие плахту — Киев-то город большой. Но Витляна, Правена и Влатта выросли в дружинном кругу, принадлежали к семьям бояр, воевод и гридей, а в нем не только мужчины, но и женщины с детьми держались поближе друг к другу, не очень смешиваясь с простыми киянами. Это была самая что ни есть «русь», в нее же входили варяги-хирдманы и полуваряги из смешанных семей. Этот круг говорил на «русском» языке, то есть схожим с варяжским, но изменившемся за несколько поколений среди славян. Славянский язык в нем тоже все знали и могли свободно говорить на любом из двух, а богов почитали и тех, и других; мужчины держались скорее варяжской веры, а женщины — славянских обычаев, унаследованных от местных матерей и бабок. У Правены мать была славянка-уличанка, отец — варяг из свеев; у Витляны мать и отец сами были смешанного происхождения. В жилах Влатты славянской крови не было ни капли, но выросла она в тех же обычаях и лишь иногда вставляла греческие слова.

Но и в этом кругу за общими занятиями сходились девушки разного положения. Витляна была самой знатной девой в Киеве, кроме княжны: дочь Уты и воеводы Мстислава Свенельдича, она была племянницей самой княгини Эльги. Даже когда эти три девушки лазили на березу, на опушке рощи сидели на траве трое здоровенных парней с длинными волосами, заплетенными в несколько косичек — бережатые отца Витляны присматривали, чтобы с младшей воеводской дочерью ничего не случилось. Ведь став полноправной невестой, она превратилась в очень и очень дорогую добычу...

Если бы Влатту кто-нибудь похитил, Фастрид бы только обрадовалась. Ее мать, Акилину, Хельги Красный привез из первого Ингварова похода на греков и взял в младшие жены. К тому времени он уже два года был женат на Фастрид, и перед самым началом похода у них родился сын, Торлейв. Понимая, что с войны может не вернуться, Хельги Красный не спускал корабли до родов жены и тронулся в путь, только убедившись,

что обзавелся сыном. Все войско в это время ждало его близ устья Дуная, к большому недовольству Ингвара и воевод. Очень может быть, что эти несколько дней задержки и дали возможность тогдашнему василевсу, Роману Старшему, и патрикию Феофану, которому он поручил оборону столицы, подготовить к бою ветхие огненосные хеландии...

Год спустя сына родила и Акилина. Она назвала его Патроклом, а в доме его по матери прозвали Орлец¹. Акилина была на редкость хороша собой — Влатта унаследовала от нее золотые волосы, и Акилина уверяла, что в этом сказывается ее родство с истинными эллинами, которые когда-то давно переселились в Малую Азию. Отцом Влатты был Бёрге Темнота, воспитатель Торлейва; Акилина сошлась с ним уже после гибели Хельги. Влатта не имела кровного родства с княжеской семьей, как Хельги и Торлейв, но все, с самого Торлейва начиная, считали ее кем-то вроде его названной сестры. Лицом она была не так хороша, как ее мать, зато отличалась приятной телесной пышностью, а на ярких, полных губах ее при виде мужчин расцветала задорная улыбка. Довольно легкомысленная и ленивая, она была всегда весела, покладиста и не обижалась на попреки.

Бёрге Темнота умер года три назад, а прошлой зимой умерла и Акилина. И то диво, что гречанка, рожденная в Константинополе, сумела так долго прожить в этом северном краю, где виноград не может расти, а вода зимой превращается в камень. Влатта осталась полной сиротой, и другая хозяйка прижала бы ее, но Фастрид даже стала к ней мягче. И в Акилине, и в самой Влатте для Фастрида заключалась часть памяти о Хельги Красном — его отваге и жизнелюбии, и каждая такая часть была для нее драгоценной.

Правена занимала между двумя посестримами среднее положение. Ее отец, Хрольв Стрелок, был из самых давних хирдманов покойного князя Ингвара; после смерти Ингвара он какое-то время был сотским гридей юного князя Святослава, а в последние годы осенью и зимой исполнял поручения по сбору дани. Ее семья принадлежала к двору князя Святослава, а две другие — к ближикам княгини Эльги, его матери и соправительницы. Ме-

¹ Имя Акилина означает «орлица».

жду той и другой дружиной часто случались нелады, затрагивавшие и женщин, но Правена, по складу скромная, но храбрая и преданная, всегда была рада повидаться с посестримами.

Когда две девушки снова показались во дворе, Витляна опять подумала: до чего же в Киеве ранняя весна! На реке Великой, где она прожила несколько лет, в эту пору еще мог пойти снег, а здесь от зелени ветвей и травы и вправду веет летом! Печей в избах уже не топили, и готовить хозяйки наладились в летних печах на воздухе. На солнце даже было жарковато в белой шушке из тонкой шерсти.

Агнер у конюшни толковал с конюхом-хазарином, Касаем, Фастрид стояла под навесом на крыльце.

— А Тови поднялся? — обратилась к ней Витляна.

— Подите посмотрите. — Фастрид посторонилась, бросив пристальный взгляд на смущенную Правену. — Если нет — будите.

— Я здесь обожду. — Правена остановилась на крыльце в тени навеса. — А ты иди.

— Ты иди! — Витляна повернулась к ней. — Это тебе княгиня велела его доставить.

— А на что княгине Тови? — удивилась Фастрид.

— Ну... — Правена поджала губы, надеясь, что Фастрид сама догадается. — Говорит, он все... грустный ходит. А то игрище, круги, пляски — развеется... Прошлым летом он в Царьграде был, так, может, хоть сейчас выберет себе кого-нибудь... Это княгиня сказала.

— Кого он выберет, я ту ятровь и приму, — заверила Фастрид. — Он у меня с трех лет старшим мужчиной в доме остался, я давным-давно ему сказала, что жену выбирать — полная воля его. Кого укажет, я ту и посватаю.

— Если парень не захочет, возьмите меня, — раздался позади них хриплый голос. — Твой сын, Фастрид-хатун, слишком разбаловался. Его две такие красавицы дожидаются, а он и не пошевелится.

Правена обернулась — пока они разговаривали с Фастридом, Агнер неслышно подошел и остановился у самых ступеней. Теперь его руки были опущены, позволяя видеть шрамы на широкой груди, толстую серебряную цепь с «молотом Тора», волчий клыком и еще какой-то косточкой. Темная от многолетнего

загара кожа мешала поверить, что родился этот человек в Хедебю, где большую часть дней в году идет дождь. В бороде на щеках мелькала седина, но, будучи основательного сложения, Агнер с возрастом не похудел и не растолстел, только мышцы его приобрели крепость камня, а широкую мускулистую грудь, казалось, можно использовать вместо наковальни. От него веяло памятью невообразимо дальних дорог и бесчисленных пережитых опасностей. Подумалось: тот, кто прошел через все это и вернулся, должен быть бессмертным. Правена невольно гляделась в обереги на его груди, отыскивая тот, что дает бессмертие: наверное, вон та чудная косточка, таких никто из киян не носит. От ветхих стариков, переживших обычный век, веет Навью, но то, что выходец с того света был еще далек от дряхлости, делало его нечеловеческую живучесть даже более жуткой. От одного взгляда на Агнера — на его смуглую кожу, бугристые мышцы, вздутые вены на руках, морщины обветренного лица, повязку на глазу, косички и бусины бороды, выдававшие склонность к щегольству, толстый витой браслет из серебра — Правену пробирала дрожь испуга и веселого возбуждения.

— Охотно схожу с вами на гулянья, банаат¹. — Агнер подмигнул уцелевшим глазом. — Я не так молод и красив, как тот ленивый парень, зато и не столь привередлив.

— Девушки от тебя разбегутся, Агнер, — мягко сказала Фастрид.

— У меня есть чем приманить их обратно. — Агнер снова подмигнул Правене: живо угадал, что в этой деве скорее найдет сочувствие. — Любая, кто взглянет на меня благосклонно, станет госпожой моей жизни и трех сундуков шелка.

При его невозмутимом лице это выглядело не игриво, а так многозначительно, что Правена растерялась. Ей как будто подавал непонятные, но наверняка важные знаки кто-то из богов. Едва ли Агнер и впрямь собирался свататься к какой-то из этих юных дев, однако прозвучало это так серьезно, что Правена едва не засмеялась, и даже Витляна недоверчиво двинула бровью.

Фастрид бросила на нее быстрый взгляд: повзрослевшая дочь Мистины Свенельдича стала так похожа на отца в мелочах, ей

---

¹ Девочки (арабск.).